

*Моей жене Крикет и нашим мальчикам —
Джексону, Джонасу, Уайяту и Макс*

Список иллюстраций

Рис. 1. Карта Германии.

Рис. 2. Фотография синагоги у входа в собор. Городской архив Вормса, Германия.

Рис. 3. Себастьян Мюнстер «Космография» (1550). Городской архив Вормса, Германия.

Рис. 4. Маркус цум Ламм «Сокровищница изображений» (1577–1606). Гессенская земельная и школьная библиотека Дармштадта, Германия.

Рис. 5. Гравюра из «Краткого беспристрастного отчета» (1615). Городской архив Вормса, Германия.

Рис. 6. Рисунок интерьерера синагоги, выполненный Абрахамом Ноем (1830). Городской архив Вормса, Германия.

Рис. 7. Рисунок Генриха Хоффмана, изображающий интерьер синагоги (1854). Городской архив Вормса, Германия.

Рис. 8. Открытка с изображением двух плит, посвященных 12 лидерам общины (около 1900 года). Частная коллекция, Нильс Рёмер.

Рис. 9. Открытка с изображением памятника Лютеру (около 1900 года). Частная коллекция, Нильс Рёмер.

Рис. 10. Рихард Пюттнер «Еврейское кладбище в Вормсе». Карл Трог «Чудесный рог Рейнской земли» (1882–1884). Городской архив Вормса, Германия.

Рис. 11. Фотография интерьера конференц-зала с картиной Германа Прелля. Штадтархив Вормса, Германия.

Рис. 12. Фотография интерьера архива. Частная коллекция, Нильс Рёмер.

Рис. 13. Открытка с изображением ворот Раши. Кристиан Хербст (около 1900 года). Частная коллекция, Нильс Рёмер.

Рис. 14. Открытка с изображением часовни Раши. Кристиан Хербст (1905). Частная коллекция, Нильс Рёмер.

Рис. 15. Карл Бедекер «Рейн от Роттердама до Констанца» (1896). Частная коллекция, Нильс Рёмер.

Рис. 16. Новогодняя поздравительная открытка из Вормса (около 1900 года). Городской архив Вормса, Германия.

Рис. 17. Открытка с изображением синагоги. Кристиан Хербст. Частная коллекция, Нильс Рёмер.

Рис. 18. Открытка с изображением миквы. Кристиан Хербст (1905). Частная коллекция, Нильс Рёмер.

Рис. 19. Открытка с изображением кладбища. Кристиан Хербст (1906). Частная коллекция, Нильс Рёмер.

Рис. 20. Интерьер часовни Раши. Кристиан Хербст (1895). Частная коллекция, Нильс Рёмер.

Рис. 21. Фотография женской синагоги и подсвечника с орлом. Кристиан Хербст (1914). Частная коллекция, Нильс Рёмер.

Рис. 22. Фотография Самсона Ротшильда. Кристиан Хербст (1911–1912). Городской архив Вормса, Германия.

Рис. 23. Фотография обнаруженных надгробий, сделанная Кристианом Хербстом (1911–1912). Городской архив Вормса, Германия.

Рис. 24. Открытка с изображением еврейского музея (1925). Частная коллекция, Нильс Рёмер.

Рис. 25. Открытка с изображением интерьера синагоги (1923). Частная коллекция, Нильс Рёмер.

Рис. 26. Фотография делегации Имперского союза еврейских фронтовых солдат в Вормсе (1925). Городской архив Вормса, Германия.

Рис. 27. Открытка с изображением кресла Раши (около 1920 г.). Частная коллекция, Нильс Рёмер.

Рис. 28. Открытка с изображением надгробий Меира Ротенбургского и Александра фон Вимпфена (1924). Частная коллекция, Нильс Рёмер.

Рис. 29. Открытка с изображением кладбища и надгробия Махарила (1924). Частная коллекция, Нильс Рёмер.

Рис. 30. Фотография синагоги во время Хрустальной ночи (1938). Городской архив Вормса, Германия.

Рис. 31. Фотография разрушенной синагоги (1945). Городской архив Вормса, Германия.

Рис. 32. Еврейские перемещенные лица возле синагоги Леви (1946). Городской архив Вормса, Германия.

Рис. 33. Еврейские перемещенные лица возле кладбища (1946). Городской архив Вормса, Германия.

Рис. 34. Фотография возведенного портала (1949). Городской архив Вормса, Германия.

Рис. 35. Закладка первого камня (1959). Городской архив Вормса, Германия.

Рис. 36. Закладка первого камня (1959). Городской архив Вормса, Германия.

Рис. 37. Освящение синагоги (1961). Городской архив Вормса, Германия.

Рис. 38. Фотография Юденгассе. Частная коллекция, Нильс Рёмер.

Рис. 39. Празднование бар-мицвы (1992). Городской архив Вормса, Германия.

Рис. 40. Фотография «вида Бубера». Частная коллекция, Нильс Рёмер.

Рис. 41. Фотография плиты 12 лидеров общины с возложенными на нее камешками. Частная коллекция, Нильс Рёмер.

Рис. 42. Фотография надгробия Меира из Ротенбурга с бумагой и камешками. Частная коллекция, Нильс Рёмер.

Рис. 43. Фотография еврейского кладбища. Частная коллекция, Нильс Рёмер.

Рис. 44. Фотография еврейского кладбища. Частная коллекция, Нильс Рёмер.

Рис. 45. Фотография «Окна истории» (Geschichtsfenster) в соборе. Городской архив Вормса, Германия.

Благодарности

Наличие архивных коллекций о Вормсе в Иерусалиме, Вормсе и Нью-Йорке подчеркивает основные идеи этой книги, посвященной трансформированной форме местной памяти. Помимо существующих архивов в узком смысле, тексты и изображения можно найти в Библиотеке раннего современного еврейства, отчетах путешественников, еврейских исторических текстах, путевых заметках, историях городов, путеводителях, различных немецких, немецко-еврейских и иностранных газетах, архивах.

Благодаря этим разрозненным документам я смог провести исследования в различных библиотеках и архивах. Я хочу выразить особую благодарность Джеральду Бённену из Государственного архива Вормса за его помощь и поддержку. Он не только указал мне на интересные коллекции, но и предоставил всю необходимую информацию. Я также благодарен сотрудникам библиотеки Института Лео Бэка в Нью-Йорке, где я интенсивно занимался в течение последних лет. Я обращался к богатым фондам Британской библиотеки, Библиотеки Конгресса США в Вашингтоне, округ Колумбия, Нью-Йоркской публичной библиотеки, к архиву и библиотеке Еврейской теологической семинарии в Нью-Йорке для получения некоторых печатных материалов, архиву Стэнфордского университета, Библиотеке Винера в Лондоне, Библиотеке Хартли в Саутгемптонском университете, Библиотеке МакДермотта в Техасском университете в Далласе. Я также хочу поблагодарить моих научных ассистентов: Джанет Брехье, Фрэнка Гарретта, Джеймса Кинга и Блейка Ремингтона — за их помощь в подготовке рукописи. Благодарю Техасский университет в Далласе за то, что он предоставил мне такую замечательную команду. Кроме того, я хочу выразить свою призна-

тельность Деннису Кратцу, Хобсону Уайлденталю, Дебби Пфистер и Жужанне Озсват за их постоянную поддержку. И последнее, но не менее важное: я хочу выразить благодарность Мишель К. Де-Николо. Ее позитивный настрой вдохновлял меня на завершение этой книги и помогал во многих других аспектах.

На более поздней стадии работы над проектом мне посчастливилось связаться с несколькими бывшими членами общины Вормса, которые любезно ответили на мои вопросы об их отношениях с городом. Эти устные и письменные свидетельства предоставили мне весомые доказательства и позволили более четко очертить различные формы памяти в послевоенный период. Аннелоре Шлэссер, которая вместе с мужем вела хронику судьбы преследуемых и изгнанных членов общины, познакомила меня со многими из них. Ее работа иллюстрирует прочные (пусть и болезненные) связи, существующие между членами общины и городом. Я хочу выразить особую благодарность госпоже Шлэссер, Герхарду Шпису, Мириам Гербер, Франку и Паулю Гусдорфам, Ицхаку Кремеру и Лизелотте Варбург.

Эта работа началась с моего знакомства с историей еврейского мученичества и памяти во время семинаров для выпускников с профессором Йосефом Х. Йерушалми в Колумбийском университете. Вормс с самого начала показал мне важные примеры, которые иллюстрировали более широкий тезис о влиянии исторических трудов на немецкую еврейскую культуру в моей последующей книге о немецко-еврейских исторических трудах в Германии XIX века. В 1999–2000 годах я был участником стипендиальной программы по христианским гебраистам в Центре перспективных иудаистских исследований при Пенсильванском университете. Меня поразило, насколько активно ученые XVII века обсуждали достоверность исторических традиций Вормса. Постепенно идея этой книги обрела форму. Как только я решил работать над этой темой, я начал сталкиваться с Вормсом повсюду, что быстро изменило хронологические рамки этого исследования.

Мне посчастливилось представить части этой книги на конференциях в Принстонском университете, Немецком историче-

ском институте в Вашингтоне и Стэнфордском университете, а также на различных лекционных семинарах в Великобритании и Германии. Я особенно благодарен за многочисленные полезные комментарии и предложения, сделанные участниками конференций. Работа над этой книгой была бы невозможна без исследовательского гранта Саутгемптонского университета и соответствующего исследовательского отпуска, предоставленного мне Ассоциацией исследований в области искусств и гуманитарных наук (Arts and Humanities Research Board)¹.

¹ В настоящее время — *Arts and Humanities Research Council*. — Примеч. пер.

Введение

В 1987 году Хаим Герцог стал первым израильским президентом, посетившим ФРГ. Он провел там пять дней в ответ на визит Рихарда фон Вайцзеккера в Израиль в 1985 году. Первым местом, которое Герцог посетил в Германии, стал концентрационный лагерь в Берген-Бельзен, после чего он прибыл в Вормс в сопровождении президента Западной Германии. Оказавшись там, Герцог помолился в городской синагоге, постоял перед могилами Меира из Ротенбурга и Александра фон Вимпфена и вспомнил о непреходящем наследии Раши. Для Герцога город Вормс, расположенный вдоль реки Рейн в Рейнланд-Пфальце и известный благодаря нибелунгам, немецким императорам и Мартину Лютеру, стал символом великой и трагической драмы европейской еврейской судьбы, а также удивительного переплетения — к лучшему или худшему — немецкой и еврейской жизни на протяжении 1000 лет [Vogel 1990: 1644].

Включение Берген-Бельзена и Вормса в маршрут Герцога стало данью памяти разрушениям, наследию немецких евреев и усилиям Германии по преодолению непреодолимого прошлого. Синагога, в которой молился Герцог, была реконструирована и заново освящена только в 1961 году; 900-летний молельный дом был подожжен 9 ноября 1938 года и снесен в последующие годы. В то же время визит Герцога повторил путь многих поколений паломников, раввинов, ученых, поэтов и туристов. На протяжении всей истории общины эти разнообразные посетители молились и осматривали могилы раввинских светил и мучеников, посещали знаменитую синагогу и часовню Раши в Вормсе.

В этой книге прослеживается процесс восстановления и избрания локальных еврейских исторических традиций в рели-

гиозных церемониях, исторических трудах, сохранении памятников прошлого, музеях и превращении «мест» в «достопримечательности» через туризм. Мой анализ множества участников процесса памяти направлен на то, чтобы размыть границы между высокой и низкой культурой и рассмотреть производство культуры и идентичности как результат многочисленных практик. Вместо того чтобы отдавать предпочтение, например, кругу ученых раввинов и исследователей перед местными архивистами, романистами, паломниками и туристами, я стремлюсь уловить часто разнообразные и противоречивые, но в то же время пересекающиеся голоса, в которых Вормс не только вспоминался, но и переживался. Многочисленные хранители еврейских памятников и артефактов — это сменяющиеся на протяжении тысячелетия сообщества памяти.

Этот труд, выстроенный в приблизительном хронологическом порядке, раскрывает путь от средневековых и ранненововременных ритуалов памяти и возникновения местных традиций до современных переосмыслений локальных мест как мест памяти и их кардинальной трансформации в культуру памяти после холокоста. Хроники, надписи, истории, литургии, литература, антологии, путеводители и архивы создали такое прошлое, которое, в свою очередь, было усилено ритуалами, сохранением наследия, путешествиями и публичными мероприятиями.

Мое внимание к одному сообществу позволяет мне проследить изменение источников и практик памяти на протяжении длительного периода в городе, который фактически становился все более периферийным как для немецкой, так и для еврейской истории. Даже в Средние века еврейские общины Шпейера и Майнца затмевали еврейскую общину Вормса. Однако, несмотря на эту маргинальность, Вормс и его наследие оставались жизненно важными для формирования еврейской идентичности. Город и его еврейское население иллюстрируют значение небольших региональных общин для истории немецкого еврейства в более широком смысле, какой бы исключительной ни была история самого Вормса.

Несмотря на радикальные изменения, вызванные регулярными изгнаниями и разрушениями, социальным подъемом евреев,

Рис. 1. Карта Германии

культурным и религиозным обновлением современной эпохи, а также уничтожением общины во время холокоста, места Вормса всегда демонстрировали удивительную степень преемственности. Это в значительной степени способствовало формированию различных городских еврейских культур, традиций памяти и идентичностей. В Средние века Вормс считался одной из самых передовых еврейских общин в ашкеназской Европе, известной своими раввинскими лидерами и мучениками. Резня во время Первого крестового похода показала шаткость положения евреев, масштабы антиеврейской враждебности и насилия. Однако судьба общины парадоксальным образом еще больше привязала оставшихся в живых членов к месту ее расположения, поскольку они чтили память своих мучеников именно там.

В раннее Новое время в Вормсе проживала третья по величине еврейская община на территории Священной Римской империи (после Праги и Франкфурта). Сохранение, восстановление и обновление специфически смешивались в том, как формировалось каждое локальное наследие, в центре которого были раввинские светила и религиозные мученики, а также рассказы о мифическом происхождении общины и союзы с императорами, герцогами и местными сановниками. По мере того как евреи Вормса очерчивали местные еврейские обычаи и составляли антологии рассказов о своем прошлом, они переносили устные традиции, ритуалы и практики в книги. Получив такое тиражирование, эти местные традиции смогли пересечь конфессиональные границы и привлечь благочестивых и любопытных путешественников, а также христианских ученых, историков города и авторов путевых заметок. После книгопечатной революции текстовая память начала ослаблять тесную связь между религиозными обычаями, почитанием и местом, поскольку создание локального прошлого все чаще происходило не только внутри города, но и за его пределами.

В XIX веке материальные памятники Вормса вместе с его текстовыми традициями были использованы для укрепления и формирования местной еврейской культуры. Переоткрытие средневековых повествований о преследованиях и мученичестве,

возвращение из забвения фантастических легенд о мудрецах общины и сохранение исторических мест открыли для еврейских жителей Вормса мощное средство, позволяющее им ориентироваться в исторических изменениях и преемственности. В то же время производство местного наследия сформировало иконографический статус Вормса и превратило город в место туристического притяжения. Сохраняя свои исторические традиции и артефакты, еврейская община Вормса одновременно утверждала и формировала особую местную идентичность и способствовала аутентификации гораздо более сложной конструкции немецкой еврейской культуры конца XIX — начала XX века.

Несмотря на уничтожение общины и синагоги Вормса, наследие его еврейства было возрождено в послевоенный период, когда локальная политика памяти смешалась и столкнулась с интересами выживших евреев, перемещенных лиц и еврейских военнослужащих армии США, посетивших город, чтобы осмотреть его руины. Когда синагога была разрушена, а выжившие разбросаны по всему миру, восстановление молитвенного дома в городе, где уже не было еврейской общины, в корне изменило конфигурацию символов разрушения и насилия под знаменем реставрации, так что последняя первоначально замалчивала память о холокосте. Хотя сегодня нет еврейской общины, воссозданное прошлое, которому Герцог отдал дань уважения, повлияло на локальную культуру Вормса, поскольку город продолжает возрождать себя в качестве популярного места для визита как для еврейских, так и для нееврейских туристов.

Меняющееся местное наследие наполняло и поддерживало чувство еврейской общины, выходя за рамки традиционных религиозных норм, практик и предписаний. Процесс чествования, в свою очередь, способствовал формированию новых сообществ памяти, в которых евреи и неевреи (как внутри города, так и за его пределами) участвовали в совместных актах сохранения и вспоминания.

В этих меняющихся сообществах память стала динамичным и уязвимым процессом, который не только сохранял историческую реальность, но и формировал и создавал ее, поскольку

исторические памятники наполнялись новыми смыслами. Некоторые аспекты прошлого этой общины были забыты, но впоследствии их удалось восстановить. В то же время другие ценные артефакты были обнаружены случайно и сохранены. В результате то, что осталось от прошлого, нельзя назвать ни нейтральным, ни естественным. Запись одних событий совпадала с замалчиванием других. Даже такое здание, как синагога, нужно было отстроить, чтобы затем сохранять как наследие, что делало ее заметным артефактом, воплощающим двусмысленность памяти.

Хотя сохранение истории и наследия привлекает значительное внимание ученых, существующие коллективные многотомные проекты о немецких и французских пространствах памяти оперируют территориально-национальными или национально-культурными понятиями. Двусмысленность центральных категорий французских и немецких пространств памяти практически не исследуется, притом что в них постоянно утверждается национальная перспектива, которая, в свою очередь, низводит еврейские места памяти до нескольких мимолетных упоминаний. Более того, воспринимая прежде всего однородные национальные рамки, эти в остальном новаторские работы не учитывают локальных особенностей производства национального наследия¹.

Вместо того чтобы представлять память как результат культурной когерентности ее локального или национального сообщества, эта книга исследует локальную память внутри сети контактов и обменов. Как подчеркнула Дорин Мэсси, места не только создаются из артикуляций локальных социальных отношений — их своеобразие и различимость «всегда уже являются продуктом более широких контактов; местное всегда уже является отчасти продуктом “глобальных” сил» [Massey 1995: 183]. Расположенный на реке Рейн, Вормс всегда был местом, которое, как утверждал французский историк Люсьен Февр в 1920-х годах, выстраивало контакт и близость между различными культурами [Febvre 1997: 59–64]. Если ограничить память исключительно

¹ См.: [Hopa 1999; François, Schulze 2001]. См. также сжатую критику их работ в [Carrier 2000: 37; Englund 1992: 303, 318].

границами города, его равнины, историки и архивисты неизбежно придут к выводу, что женщины и мужчины являются творцами окружающей их культуры, как утверждал Клиффорд Гирц [Гирц 2004]. В противовес основному представлению о локализованных, целостных культурах, которое не учитывает важности отношений, Гирц указывает, что «старые стратегии локализации» могут в равной степени и раскрывать, и затушевывать [Clifford 1999: 245; Gilroy 1993: 111–145].

Развивая эту мысль, здесь я отвожу центральную роль встрече и сотрудничеству местных жителей и посетителей в формировании и сохранении памяти о местном еврейском наследии. В то время как на первый взгляд еврейское кладбище и часовня Раши в Вормсе кажутся простыми каменными конструкциями, они приобрели свое особое значение благодаря текстовым традициям и публичным акциям, в которых участвовали как местные жители, так и посетители. Локальные тексты и произведения, литературные и исторические повествования, архивы и музеи, а также паломничество и туризм — все это сыграло центральную роль в формировании в Вормсе локального наследия. Память также стала пространством переговоров, когда Вормс восстановил свою разрушенную синагогу перед лицом порой яростной оппозиции со стороны нескольких бывших членов общины, которые выступали за сохранение обломков здания в качестве места памяти о сегрегации, об изгнании и уничтожении общины. Несмотря на присутствие этих противоречивых голосов, сопротивление путешествиям в Германию ослабело; все большее число еврейских туристов стали принимать реконструированную синагогу. Однако следует отметить, что эти еврейские путешественники, будучи проводниками своих программ, вкладывали в эти места разные смыслы. Хотя восстановленная синагога и сопутствующая выставка демонстрируют жизнь и культуру немецких евреев XVII века, для многих еврейских посетителей отсутствие какой-либо действующей общины служит зловещим напоминанием о причастности города к нацистским зверствам, что прорывается на поверхность в их личных рассказах о путешествии. В то же время тесные контакты между бывшими членами общи-

ны и представителями города, а также передача ими в дар архивам и музею ценнейших артефактов сформировали взаимные отношения. Эти вновь установленные связи означают нечто большее, чем простая щедрость, — это подарки, которые накладывают на город обязательства по их сохранению.

Понимание области памяти как зоны контакта между географически разделенными людьми, которые вместе вкладывались в создание памятников и обсуждают их меняющееся значение, подчеркивает спорный, конфликтный и противоречивый характер этих ландшафтов местной памяти [Clifford 1999: 189–219]. Однако изучение того, как изобреталось местное наследие в более широком контексте, не умаляет важности места. Присутствие физических маркеров придает легитимность и силу локальной традиции, как заметил Морис Хальбвакс в своем классическом исследовании коллективной памяти [Хальбвакс 2007]. Физическое сохранение синагоги, места захоронения, религиозных артефактов и исторических документов закрепляет память и наделяет сообщество преемственностью.

Для еврейской культуры в Средние века и раннее Новое время могилы мучеников и ученых раввинов на кладбище превращали его в святую землю, где Бог охотнее принимал молитвы. В Новое время связь исторических мест с религиозными традициями исчезла или, по крайней мере, радикально изменилась. Тем не менее сохранение и популяризация наследия города создавали и защищали локальную идентичность евреев, узаконивали перемены и утверждали их приверженность традициям предков. В послевоенный период Вормс превратился в место памяти (Erinnerungsort) для семей, сохранявших привязанность к истории города, его святыням и памятникам, а также для других евреев и христиан [Ассман 2004].

В своей новаторской работе Пьер Нора рассматривает эту трансформацию как переход от «среды памяти» (*milieu de mémoire*) к «местам памяти» (*lieu de mémoire*) [Нора 1999]. Место памяти — это, следовательно, место того, что осталось от отсутствующего прошлого. Нора контекстуализирует меняющееся значение мест памяти в рамках парадигмы современности и тем

самым преувеличивает однородный и стабильный характер до-модерных мест памяти, а также прерывистость и разрывы, которые подразумеваются при переходе к современности. В Вормсе традиции, связанные с синагогой и кладбищем, особенно развивались в период раннего модерна и претерпели глубокие изменения в процессе религиозной реформы в XIX веке.

Более того, локальная память и роль Вормса как места притяжения для еврейских путешественников служат примером того, в какой степени еврейские диаспоры сохраняют связь с историческими местами, которые вызывают образы происхождения и принадлежности. Как предположил Йосеф Йерушалми, еврейская жизнь в диаспоре колебалась между понятиями изгнания и *домицилия*, то есть между осознанием неполноты в состоянии рассеяния и глубоким чувством привязанности к определенным местам [Yerushalmi 1997: 1–22]². В Средние века члены общины и паломники регулярно посещали кладбище в Вормсе, которое к тому времени уже приобрело религиозное значение. Немецкие еврейские путешественники, а также знаменитый польский еврейский писатель Шолом Аш искали в Вормсе утраченные традиции и истоки ашкеназской истории. Во времена Веймарской республики, когда урбанизация достигла своего пика, а такие крупные города, как Берлин, стали ассоциироваться с быстрыми переменами и исторической амнезией, общины маленьких городков, гордившиеся сохранностью своего прошлого, представляли себя как последние остатки исчезнувшего мира. В эти годы еврейское прошлое Вормса давало уверенность тем немецким евреям, которые были очарованы сельскими общинами и их традиционной набожностью. То, что позволило общине сформировать свое особое локальное наследие, стало источником давней и благородной родословной для всего немецкого еврейства³.

Важность *домицилия*, которая заставила евреев вкладывать тропы и метафоры из религиозных традиций в окружающее пространство и его конкретные локации, противоречит тенден-

² См. также [Galut 1986: 50; Myers 1997: 17–35; Galchinsky 1998: 185–211].

³ О благородстве памяти см. [Хальбвакс 2007].

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru